

Джо

На самом деле его полное имя Джоакино. Так звали папиного папу. Когда папа кончил учиться и стал врачом, он поехал обратно в Африку и хотел, чтобы мама и я поехали с ним тоже. Но маме надо было учиться еще год, чтобы кончить институт, так как она один год пропустила, когда я родился. И они решили, что папа сначала все устроит, а потом мы с мамой к нему приедем. Это было в 90 году.

Папа очень долго не видел своего отца, Джоакино. Потому что папа жил в России уже семь лет и за все время только один раз ездил в Африку. Так как это очень далеко было и дорого. Он в каникулы обычно ездил в Европу на заработки с другими иностранными студентами. И он чувствовал себя виноватым, говорит мама. Потому что очень хотел поскорей поехать в Сомали, домой. Он не мог ждать еще целый год, когда мама кончит учиться. Мне было тогда 3 года. Сначала от папы приходили открытки. А потом он пропал. То есть никаких вестей от него не было. А потом Советский Союз развалился, а в Сомали началась гражданская война. И мама боялась, что папа не сможет приехать или что он вообще погиб. Но он не погиб. Зато погиб его папа, Джоакино... Я не знаю, как это было, папа никогда никому этого не рассказывал, даже деду.

Но в один прекрасный день папа вдруг позвонил из Швеции. Мама чуть не умерла, так это было неожиданно. И потом мы поехали к нему. Я его два года не видел и не помнил почти. И сначала даже боялся. А потом понял, что это мой папа.

Джо родился в Швеции через год после того, как мы с мамой приехали, и его назвали в память о папином папе - Джоакино. Мне было почти 6 лет, а теперь ему самому столько, так что теперь я его старше ровно в два раза.

Джо очень смешной. Я считаю, что он хорошо говорит и по-русски, и по-шведски, но все равно у него смешно получается. Он часто берет шведские слова и изменяет их по-русски. Например, он говорит:

-Меня один килле (килле значит парень, а много парней -киллар) хотел стукнуть в дагисе. А я сам его стукнул, а другие киллеры...

Дед его спросил:

-Это кто у вас там киллеры?

-Мы все киллеры, кроме девчонок.

Я стал ему объяснять, кто такие киллеры, но Джо мне не поверил:

-Ты, - говорит, - все специально придумал, чтоб меня запутать, а сам такой же килле, как все.

Однажды Дед сочинил:

Почему наш славный Джо

Не играет на банджо?

Научи его скорей,

В доме будет веселей!

Джо сразу спросил:

-Зачем бандо?

Дед ответил:

-Не бандо и не ландо. Так у нас заведено. Банджо - это инструмент такой.

-Инструмент? Как отвертка? - спросил Джо.

И еще Джо поет итальянские песни и арии, которым его научил папа. Делает при этом очень серьезное лицо и выглядит уморительно. Когда ко мне приходят ребята, мы часто просим его спеть и потом хохочем. Он не обижается. Он думает, что это такие смешные итальянские слова, которых он не понимает. И мы тоже.

Когда я был маленький, я очень любил книжку про Алешу-почемучку, которую мне читала бабушка. Там про маленького мальчика, который едет из Москвы в Киев и всегда у всех спрашивает: почему? Почему свет горит? Почему трава зеленая? Почему вода мокрая?

Джо похож на этого Алешу, только он спрашивает: зачем? И это очень смешно, потому что про все на свете невозможно объяснить - зачем. А иногда получается, наоборот, очень серьезный вопрос, который он сам быстро забывает, а я всё думаю: зачем?

Когда мы пришли с похорон, мамыны подруги, Лена и еще другая, приготовили обед. Джо был с ними дома, его не брали на кладбище. И мы все сели за стол (меня тогда ужасно удивило и рассердило, что я действительно хотел есть: ведь я только что похоронил папу), и Джо вдруг брякнул:

-А папа насовсем умер?

Все вокруг замолчали. Потом Лена, мамаина подруга, спросила:

-Что ты имеешь в виду?

-В каком виду? - спросил Джо - Мы так играли с папой.

-Джоакино! - одернул Дед, он хотел, чтоб Джо замолчал, потому что думал, что тот скажет что-нибудь не кстати.

Но Джо не замолчал, а наоборот, стал рассказывать:

-Мы так играли с папой ден гонген ёг вар хемма фрон дагис. (значит - в этот раз, когда я был дома, не ходил в садик.) Папа сказал: «Тенк, ат ёг ер борта фёр алтид». (Представь, меня больше нет совсем.) И мы играли, что я, когда важно, сам себя спрашиваю, а что папа скажет?

-А папа? - спросил я.

-Папа на диване лежал, а потом телефон позвонил, и мы не играли больше. А потом папа в больницу уехал, и я сам играл. А потом он приехал и умер. Это ведь понарошку так?

-Нет, - сказал Дед, - это по-настоящему. К несчастью.

-А зачем?

-Что зачем?

-Зачем по-настоящему? Зачем умер?

Тут мама заплакала, подошла к Джо и давай его целовать. А он отбивается и кричит:

-Зачем ты меня целуешь?

А я стал думать: действительно, зачем люди умирают?

Зачем папа умер?

Бабушка

Наша бабушка - пенсионерка. Она не старая еще. В России женщины идут на пенсию с 55 лет, а мужчины с 60. Это потому, что там жизнь очень тяжелая и еда плохая, с нитратами. Хотя мне нравится, как бабушка готовит. Но продукты там не такие качественные, как в Швеции. В Швеции очень следят, чтоб продукты были чистые - то есть никаких там химических веществ или радиоактивности в еду не попадало. А в России и воздух грязный, и радиация. И потом еще зарплату не платят, так что даже не на что еду купить. Я читал, что в России средняя продолжительность жизни 59 лет. Это же ужасно мало. В Швеции на пенсию выходят только в 65. И мужчины и женщины, потому что здесь равноправие. Конечно, здесь тоже некоторые умирают молодыми, как папа... Но это не часто. А многие живут до 90 лет и больше. И все спортом занимаются. И на велосипедах ездят. Я здесь встречал настоящих старух на велосипедах. А наша бабушка совсем не старуха. Но представить её на велосипеде не могу. И даже Деда. Хотя плавает Дед здорово. Даже лучше меня. Но папа все равно плавал лучше...

Бабушка до пенсии работала в библиотеке. Когда она говорит, мне всегда кажется, что она читает. Не то чтобы она говорила чужие мысли, она сама очень умная, но она говорит как по писаному, по выражению Деда. Наверное, это потому, что она всю жизнь проводит с книгами. Она сама говорит, что в жизни ничего не умела делать, только читать, и что если бы ее не взяли в библиотеку, то она просто погибла бы. На самом деле бабушка очень рукастая - она умеет шить и вязать, и варить варенье, и печь. Мама говорит, что в

Швеции нет смысла варить варенье, можно купить какое угодно, но по-моему, бабушкины все равно вкуснее магазинных.

Бабушка родилась перед Второй мировой войной. И всю войну она жила со своей мамой в эвакуации на Урале в бараке, где жило много женщин с детьми. Все взрослые с утра уходили на работу и возвращались поздно, а дети сидели голодные и на обед ели холодную кашу, остаток вчерашнего ужина. И после войны дети тоже всегда были одни, так как взрослым надо было работать, восстанавливать народное хозяйство.

Поэтому бабушка считает, что дома, когда дети приходят из школы, всегда должен быть взрослый и горячая пища. Она всегда говорит, что детям необходима горячая пища. Когда бабушка приезжает, мы всегда едим по-русски, то есть обед у нас днем, когда я прихожу из школы, и всегда есть суп, второе и потом десерт. Но обычно у нас не бывает супа, а днем я ем бутерброд и йогурт, а обедаем мы вечером, когда все дома.

Когда бабушка училась в библиотечном институте, она ходила на танцы, и один раз там был дедушка. Они познакомились и стали встречаться. И потом поженились и родили маму.

Бабушка очень культурная. Она считает, что культура - всего важнее. Из-за этого Дед всегда над ней подшучивает. Она очень любит всякие музеи, особенно художественные, где картины. Еще она любит классическую музыку и оперу. Это она познакомила маму с папой. Через оперу. Дело в том, что у них был абонемент в Кировский театр, у мамы с бабушкой. Потому что мама тоже любит оперу, но её подруги не очень-то хотели в оперу ходить, и она ходила с бабушкой, то есть своей мамой, хотя сама уже была взрослая. И один раз как-то получилось, что бабушка не смогла пойти и мама пошла одна. А папа тоже пошел, он хотел именно эту оперу послушать, но там не было билетов в кассе, так как спектакль был абонементный, и все билеты были проданы задолго до спектакля. Папа стал спрашивать у людей, может, у кого есть лишний билетик. И встретил маму. И купил у нее билет. А потом они сидели вместе в опере, места ведь были рядом, и потом папа провожал маму домой, и они влюбились друг в друга. А потом мама пригласила папу домой, а он не хотел идти, сказал, что русские отцы черных парней не любят. А мама сказала, что это все глупости, но что ее мама (то есть бабушка) хочет видеть, кто сидел на её месте и кого она облагородила. Она считает, что искусство «облагораживает».

Когда папа пришел, бабушка стала его расспрашивать про театр. Она думала, что «бедный эксплуатируемый африканский юноша первый раз в жизни был в опере». А когда он стал ей петь арии на итальянском, она была просто потрясена. Мама с папой всегда смеются, когда вспоминают.

Когда папа уехал в Сомали, а мама кончала институт и потом начала работать в школе, я был больше всего с бабушкой. Когда она работала в вечер, если мама или Дед не могли меня забрать из сада, бабушка за мной прибегала, и мы шли к ней на работу, так как мой садик был рядом с её библиотекой. Я там смотрел книжки и играл, пока не приходили мама или Дед. Когда мы переехали в Швецию, я очень скучал по Деду и бабушке. Так получилось - сначала я два года не видел папу, а потом столько же - бабушку с Дедом.

Первый раз они к нам приехали, когда Джо был год. Я уже ходил в школу и свободно говорил по-шведски. Бабушка называла меня «полиглот». Мы ходили с ними и все им показывали, и бабушка очень удивлялась, что всюду можно ходить с коляской: и в метро, и в магазин, и в музей. С Дедом я тогда еще не очень дружил, он все больше с папой разговаривал. И были они у нас недолго, неделю всего. А последние три лета мы ездили в Россию, к бабушке на дачу. Она уже не работала. Первый раз мама тоже с нами была. А потом нас Лена отвозила, а мама с папой за нами приехали в августе, и мы вместе гуляли по Петербургу и ходили в Эрмитаж. Джо ещё совсем маленький был, он в Эрмитаже ничего не понимал, только всё время спрашивал: зачем то, зачем это?

Нам с мамой просто в Россию ездить, потому что у нас русское гражданство. Я сначала был в мамин паспорт вписан, но когда мы в первый раз летом приехали, мне сделали свой паспорт. А папа с Джо должны каждый раз визу делать, им бабушка

приглашение посылала. А мы, наоборот, бабушке с Дедом приглашение посылали, чтоб им в Швецию визу получить.

А в прошлом году я летел один. Это очень здорово было. В Швеции многие дети летают одни, и там в аэропорту есть специальный человек, который ими занимается. Мне на шею повесили такой пластиковый конверт, на котором было написано, как меня зовут и куда я лечу, а внутри лежал билет, паспорт и адрес в России и кто меня встречает - имя и фамилия. И в аэропорту Арланда есть специальное место со скамейкой и там написано: для детей, летящих без родителей. Мы там сидели и ждали, потом пришел парень молодой, взял мой чемодан и повел меня в самолет. Я боялся, что у меня будут проблемы, потому что надо показывать паспорт и визы и какие-то бумаги писать, декларации, но мы с ним просто прошли мимо контроля и прямо к самолету, потому что уже посадка была объявлена. В Арланде не надо на улицу выходить, чтоб сесть в самолет. Там такие коридоры резиновые, как кишки, прямо из зала ожидания. Другой конец кишки прицепляют к самолету. Там, у входа в этот коридор меня встретила стюардесса, русская. Это она меня потом вывела к бабушке с дедушкой в Пулково, в Питере. Тоже безо всяких проверок. Мы с ней даже в отдельном автобусе ехали от самолета, так как очень много народу набилось в один автобус, и она боялась, что я потеряюсь, а она должна меня сдать с рук на руки.

Я все лето был с бабушкой на даче. А Дед к нам приезжал, и мы к нему в город, потому что он работал. И тогда я с ним больше подружился. А потом мама с Джо приехали за мной, чтобы тоже встретиться с дедом и бабушкой и меня забрать. А папа не приехал...

Я думаю, что пока мальчики маленькие, им с бабушками интересней. А когда вырастают, то им с мужчинами интересней. Вот Джо сейчас бабушкин первый друг. Они вместе читают, гуляют и пекут пироги. Прямо неразлей-вода.

А я теперь больше с Дедом дружу.

Дед

Дед - ученый. Он себя называет «научный работник». Говорит, что ученый - это очень громкое слово. Как поэт. Очень многие пишут стихи. Но нельзя же всех считать поэтами. Поэтов единицы. И ученых, по большому счету, тоже единицы. Менделеев был ученый, который придумал какую-то систему периодическую. В ней все природные химические элементы имеют своё место, даже те, которые ещё не открыты. Им тоже место предусмотрено. Так Дед говорит. Но я то знаю, что он настоящий ученый. Я раньше думал, что ученые только те, кто совершают открытия.

Но в наше время таких ученых действительно единицы. В основном все просто ходят на работу, также как учителя или водители такси. Те, кто ведут всякие наблюдения и исследования, чтоб потом построить теорию, почему что-то происходит именно так, а не иначе, называются теоретики. Они всякие теории придумывают: почему, например, один ветер дует с Востока на Запад, а другой с Севера на Юг. А те, кто придумывают, как эти теории использовать, называются прикладники. Они делают всякие приборы и прочее. Мой Дед ученый-прикладник.

Бабушка говорит, что если бы Деду дали в свое время учиться в аспирантуре, то он бы стал известным ученым и ездил бы на всякие конгрессы. Но ему не дали, потому что он, оказывается, тоже еврей. Но Дед в ответ только смеется. Он говорит, что если бы ему и дали закончить аспирантуру, то его все равно бы не пустили ни на какой конгресс, потому что был советский режим. А после советского режима ни у кого нет денег на конгрессы ездить.

Дед морской ученый. Он делает всякие приборы для кораблей, чтобы легче было узнать, где ты находишься, на какой широте, какая глубина там, скорость и так далее. У них в лаборатории полно всяких приборов. Только компьютеров у них раньше не было. В России вообще с компьютерами хуже, чем в Швеции.

Бабушка говорит, что Дед ужасный балагур, и это в него мама такая хохотушка. Он все время придумывает какие-то шутки и смешные стишки. Когда мы праздновали у них Новый год, Дед придумал такие смешные игры, что все просто захлебывались от смеха.

Особенно близко я подружился с Дедом в этом году. Сначала мы с ним очень много гуляли по Стокгольму. Они с бабушкой приехали за неделю до того, как папа умер. Мама хотела папу сразу из больницы забрать, но он сказал, что он сам знает, как лучше. Все уже понимали, что его дни сочтены. Только я в это не верил. Он только один день прожил дома и умер. Мама говорит, что он почувствовал и специально так сделал, чтобы только попрощаться и никого не затруднять и детей не пугать. Он же врач сам.

Когда бабушка с дедом приехали, мама сказала:

-Бабушку я беру на себя, а ты будешь дедушкин переводчик.

И мы стали всюду ходить вдвоем. Обычно мы ехали сначала к папе в больницу, а из больницы шли пешком до метро, а потом ездили смотреть город. У Деда свой особый метод. Он выбирал какую-нибудь станцию, где еще не был, и мы там выходили и гуляли по улицам, доходя до следующей станции. Потом опять садились в метро и ехали домой. Первый раз мы доехали до Т-центральной, так называется станция возле Центрального вокзала, вышли на площади Сергея (это центральная площадь в Стокгольме, она называется в честь одного шведского скульптора, который в XVIII веке жил. Бабушка говорит, что он был классицист.) и пошли до Центрального вокзала. А там опять сели в метро и поехали дальше. На самом деле это та же самая станция, только с другой стороны. У неё очень много выходов, которые расположены на разных улицах. В переходе между вокзалом и метро стояли музыканты, русские, и играли русскую музыку, какую в Питере по радио играют. В Стокгольме много русских уличных музыкантов, я их часто в переходах слушаю. У одного была такая огромная балалайка, и он здорово на ней играл. Я сказал:

-Если я когда-нибудь буду учиться музыке, я бы хотел на такой балалайке учиться.

Дед сказал:

-Это называется бас-балалайка. Только ведь её еще надо самому таскать, а она знаешь сколько весит?

Но я бы такую все равно таскал, очень мне понравилось, как музыкант на ней играл. И еще я бы на гитаре научился. Самми, старший сын Ибрагима, на гитаре играет. Тоже здорово.

Мы с Дедом объездили почти все станции метро и увидели всякие места, где я сам раньше никогда не бывал. И при этом мы всё время разговаривали. Обо всем. О папе, о жизни, о девчонках, о России и Швеции. Обо всем.

Я не верил, что папа умрет. Не знаю, как бы всё это было, если бы не Дед с бабушкой. Когда умирает очень родной человек, надо чтоб другие близкие были рядом. Как Дед. И бабушка. Мама стала совсем как девочка. Боялась остаться одна в комнате и обо всем спрашивала бабушку: что надо делать, куда что поставить, как будто не бабушка у нас в гостях, а мы у неё.

А я был все время с Дедом. Джо ходил в дагис, как обычно, и по-моему, не очень понимал, что происходит.

Однажды мы с Дедом поехали в городскую библиотеку, взять бабушке книги. Бабушка спит очень мало. Она читает, наверное, полночи. Я удивляюсь, как она не устаёт. Я, если читаю долго перед сном, утром не могу проснуться. Бабушка прочла так много книг, что у нас дома не было для нее ничего интересного. А по-шведски она не умеет.

В городской библиотеке русских книг много. Конечно, не так много, как шведских или английских, но всё равно хватает. Там такой круглый зал и в нем балкончик, Дед называет его галерея. И там стоят книги на разных языках и наверху надписи большими буквами: PO POLSKU, EN ESPANOL, ПО-РУССКИ и другие всякие. Мы посмотрели немного книжки, я нашел «Тайну замка ужасов» Хичкока - это про трех мальчишек-сыщиков. Я как раз перед этим прочел одну из историй про них - «Тайну семи попугаев»,

которую мне привезли Дед с бабушкой. Дед сказал, что это продолжение, и мы можем с ним вместе прочитать, пока он у нас гостит.

Тут пришла одна женщина, тоже русские книги смотреть, и спросила деда о чем-то. Дед стал с ней разговаривать. Я думаю, он был рад встретить кого-то русского, кроме нас, здесь в Швеции. А я пошел гулять по галерее вокруг. Когда я подходил к ним уже с другой стороны, я услышал, как женщина говорит:

-Конечно, Швеция маленькая страна. Они напустили так много беженцев, и все не хотят работать, живут на пособие. Потому их и не любят. И нас тоже из-за них. Нельзя же нас на одну доску ставить. Они же и учиться не хотят. Многие, прожив десять лет, двух слов связать по-шведски не могут. Особенно всякие мусульмане и африканцы. В районе, где я живу, кругом полно сомалийцев. Не понимаю, зачем их пускают. Они же генетически не способны учиться, только танцуют. Я подумал: это она меня увидела. Потому что я всегда хожу пританцовывая. Это у меня в крови. Я остановился и посмотрел на деда. Он стал весь багровый. Положил руку мне на плечо и сказал так громко, что на нас снизу из зала стали смотреть:

-Мой покойный зять, земля ему пухом, был сомалиец. Он знал шесть языков и был прекрасным врачом и прекрасным человеком. И его сын пойдет еще дальше. Благодаря своим сомалийским генам тоже.

Тут уже женщина стала красной и стала лепетать что-то и говорить:

-Простите, я не думала...

Дед сказал:

-Боюсь, вы генетически не способны...

Мы пошли вниз оформлять книги, и все на нас оборачивались. В Швеции не принято так громко разговаривать, особенно в библиотеке. Я, конечно, был зол на эту тетку, но дед был совсем не в себе. Я сказал ему:

-Ты так не переживай. Тут есть такие. Расисты. У Самми в школе была одна фрекен (учительница), которая тоже думала, что все черные - отстающие и должны в специальном классе учиться. Но Самми ей показал. Он там самый умный, у себя в школе.

Но Дед никак не мог успокоиться. Дома он стал рассказывать бабушке про тетку, но тут пришли мама с Джо, и он при них перестал.

Я подумал: странно, что я сам так не переживаю. Это же она меня оскорбила, а не деда. Потом зашел Виктор, мы пошли к нему и говорили об этом. Виктор говорит, что я не так переживаю, потому что привык. Наверное, он прав. Здесь все время говорят о расизме и национализме, и по телевизору, и в школе. И я, внутренне, как бы всегда знаю, что могу услышать какую-нибудь такую гадость. Это ужасно противно. Особенно, если ты ничего не можешь сделать. Не стану же я драться со взрослой теткой! Папа говорит что лучшее средство против расизма, особенно в Швеции, стать хорошим специалистом, чтоб они были вынуждены с тобой считаться. Он был очень хорошим специалистом, я знаю. Но ему все равно было трудно найти работу и доказать, какой он умный.